

УДК 72.01

д. арх., профессор Дубинский В.П., Белоусько А.Ю.,
Харьковский национальный университет
городского хозяйства им. А.Н.Бекетова

АРХИТЕКТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

Некоторые социологические концепции рассматриваются как эвристический инструмент анализа архитектуры.

Ключевые слова: архитектура, социальный заказ, проектирование

Цель: выявить принципы функционирования архитектуры под воздействием социальных потребностей заказчика.

Постановка проблемы.

Известно, что зодчий прошлого не только работал на конкретного заказчика, потребности которого мог знать досконально, не только сам принадлежал к той культуре, на которую ориентировался заказчик и потребитель, но и работал в обозримом пространстве и ясно представлял себе численность людей. Сегодня заказчик анонимен (учреждение), потребитель тоже анонимен. В типовом проектировании анонимна и будущая ландшафтно-градостроительная ситуация. В то же время выросло разнообразие внутри культуры, в условиях социализма реализовано вовлечение всего народа в единый процесс культурных преобразований, чего история европейской цивилизации не знала никогда. [1]

Сегодня все это и ещё многое другое делает социологию архитектуры объективной необходимостью, условием развития самой архитектуры внутри развивающегося общества.

Степень разработанности проблемы.

В исследовании предлагаемой в данной статье проблемы анализировались работами В. Глазычева [1], Ч. Дженкса [2], А. Дьякова [5], Жана Бодрийера [5], Вальтера Беньямина [7], Зигфрида Кракауера [8], Эрнста Блоха [8], Норберта Элиаса [11], М. Вильковского [18], Ч. Миллса [21] и некоторых других. Выявленные в данной статье принципы функционирования архитектуры под воздействием социальных потребностей заказчика перекликается с вышеперечисленными разработками.

Результаты исследования.

По мнению Глазычева, когда мы говорим об архитектуре, то все чаще обращаем внимание на то, что она (архитектура) включает не только способ создания зданий и сооружений, не только действия творческой личности—

архитектора, — не только самую совокупность зданий и сооружений, но и организованную сферу профессиональной деятельности. Следовательно, мысль и дело архитектора оказываются в зависимости не только от содержания архитектурной задачи, от материальных возможностей реализации решения, но и от общего состояния организации работы архитектора, утратившей прежний универсальный характер, раздробленной и специализированной.

Архитектурное произведение есть результат деятельности субъектов в определенный временной отрезок. Зодчий вооружен своим творческим методом, который способствует созданию произведений, отражающих свое время. Социум быстро реагирует на все изменения и моды в общественной жизни и формирует окружающую его среду, которая является важным компонентом и результатом человеческой деятельности. Архитектор в своей деятельности учитывает образ жизни социума (через заказчика) и создает конечный результат – произведение архитектуры, востребованное социумом. Таким образом, опосредованно эстетический портрет городского социума запечатлевается в облике архитектурных произведений, демонстрируя характерные черты времени. Одна эпоха сменяет другую, один стиль сменяет другой. Таким образом, портрет города не остается неизменным, он постоянно дополняется, видоизменяется, трансформируется в связи с изменением общества и его эстетических представлений, изменением политики, экономики, идеологии. [1]

Известный голландский критик Руморван Тоорн, один из инициаторов знаменитой публикации журнала HUNCH №6/7, 2003 «109 попыток ответить на 6 простых и сложных вопросов о том, чем архитекторы заняты сегодня и как их профессия будет развиваться завтра», в своих ответах сообщил, что «...сегодня архитектор – звезда медиа, архитектура – спектакль... Люди бизнеса с удивлением обнаружили, что публика сходит с ума по высокохудожественной архитектуре с волнующим нарративом. По мере успешной интеграции архитектуры в нашу культуру вопрос о месте архитектора в обществе становится всё более актуальным» [2].

Ч.Дженкс в статье «Новая парадигма в архитектуре» отмечает, что «грамматика этой новой архитектуры всегда провокативна... Это вызов старым языкам классицизма и модернизма, основанный на вере в возможность новой системы организации среды обитания, которая будет больше напоминать постоянно самообновляющиеся формы живой природы... Плюрализм стилей является здесь основным моментом, выражая общую заинтересованность в развитии социально-политического плюрализма современных международных мегаполисов... Плюрализм соединяет, ведёт к конфликту, сталкивая противоположные вкусы и смешивая разнонаправленные интересы...» [3].

«...В связи с упадком христианского мировоззрения и модернистской веры в общественный прогресс, с последовавшим за этим становлением общества потребления – общества, для которого наиболее значимой оказывается частная жизнь знаменитостей, – архитекторы оказались пойманными в ловушку... Отказ от веры во что-либо приводит к утверждению «нулевого» минимализма, который смог бы стать удачным выражением «нейтральной» позиции, если бы не был давно апроприирован (присвоен) и скомпрометирован господствующей политической системой...

Новая культура всеобщей конкуренции требует выявления различий, требует смыслов и фантастической выразительности, выходящих далеко за рамки сухой функциональной программы здания. «Загадочное означающее» даёт ключ к решению этой головоломки. Подразумеваемая инвектива (т. е. резкое выступление против чего-либо) такова: вы должны спроектировать безусловную достопримечательность, но так, чтобы она не была похожа ни на одну из уже существующих и не ассоциировалась ни с одной из уже известных религий, идеологий или общественных конвенций» [3].

Эта задача для архитектора, принимающего ответственность за явный (публичный) и скрытый (эзотерический) смысл, существенно усложняется и тем, что глобализированная культура не выработала пока никакой единой системы ценностей. Отсюда смыслы могут быть неожиданными в большей или меньшей степени. Однако Ч. Дженкс не даёт однозначного ответа на факт появления новой парадигмы архитектуры, предполагая, что все последние поиски могут оказаться лишь «фальстартом».

Французский философ Жан Бодрийяр видит кризис современной архитектуры как яркое проявление гиперреализма и результат симуляции. Архитектура сегодня участвует в «искусственном моделировании мира, специализации и централизации функций и распространении по всему миру этих искусственных построений. Для Бодрийяра современный мир представляется виртуальным, и архитектура также становится виртуальной, т.е. соответствующей этому миру [4].

Как отмечает Жан Бодрийяр, «в виртуальном мире речь уже не идет об архитектуре, которая умеет играть на видимом и невидимом, или о символической форме, которая играет одновременно с весом, центром тяжести предметов и потерей этих характеристик. Речь идет об архитектуре, в которой уже нет загадки, которая стала простым оператором видимого, об «экранной» архитектуре, которая вместо того, чтобы быть «естественным разумом» пространства и города, превратилась, в каком-то смысле, в их «искусственный разум» [5].

Становясь воплощением технических и технологических возможностей компьютерного проектирования и строительства, современная архитектура, по мнению Бодрийяра, отражает не талант мастера и не является произведением искусства. Следовательно, архитектура больше не указывает на какую-либо правду, на оригинальность, а скорее лишь на техническое наличие форм и материалов. Правда, которая обнаруживается в этом, уже не представляет объективные условия или, тем более, субъективную волю архитектора, но отражает технические характеристики и их функционирование.[6]

Архитектура с точки зрения различных теоретических концепций социологии.

Вальтер Беньямин анализирует в традициях марксистской социологии образ мечты капиталистического общества на основе парижских улочек (пассажей) XIX века. Архитектура при этом является «важнейшим свидетельством скрытой мифологии» данного общества – в пассажах сохраняется современное прошлое с возможностями будущего [7].

Так как исследователь посещает пассажи в то время, когда они уже пережили свою эпоху, он определяет их как археологическую находку современности – как место, сохранившее историю более раннего общества. Здесь возникают новые социальные типы, которые так или иначе до сих пор влияют на современное общество благодаря своей «умиротворенной атмосфере»: прогуливающийся по продуманным пассажам медленно пробирается сквозь джунгли товаров. Потребности, мировосприятие и образ движения потребительского общества меняются под действием этой особой архитектуры пассажей между улицей и домом. Зигфрид Кракауер увидел в берлинских пассажах «мраморную братскую могилу» буржуазного общества. [8].

А Эрнст Блох, с одной стороны, увидел в тенденции строить здания в форме корабля конец архитектуры буржуазного общества, а с другой стороны, определил архитектурные фантазии как социально эффективные реальные утопии [9]. Все эти авторы придерживались традиции марксистской критики идеологии и исторического материализма, присущих «Критической теории франкфуртской школы», которая рассматривала архитектуру как проявление буржуазного, в инструменталистическом смысле только зарождающегося общества позднего капитализма.

Интересное исследование проводил Мишель Фуко, изучая влияние власти, надзор и контроль через архитектуру тюрем, исправительных учреждений, казарм, больниц и фабрик, а также находящихся внутри. Он пишет, что «развивается целая проблематика: проблематика архитектуры, которая создается отныне не просто для того, чтобы предстать взору (пышность

дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящиеся внутри.

Взгляды на функции господства в архитектуре и теорию архитектуры были идеологически-критическими, историческими – на эпоху заката «дизайна» и материалистическими – на скрытый экономический смысл бытия в архитектуре анализируемого общества. Мишель Фуко изучал социально-психологическое влияние архитектуры тюрем, исправительных учреждений, фабрик и казарм, применяя французскую «постструктуралистическую» традицию анализа продуктов «власти», которая сформировалась под влиянием учений Ницше. Он описал модель перехода от «карательного общества» к «обществу дисциплинарному». В особенности идея Бенгама о паноптикуме, архитектуре, основанной на принципе «увидеть, не будучи увиденным», стала для него отправным пунктом в описании индивидуализации субъектов, их самоконтроля и осознания неизбежности как характерных черт современного общества, поддерживаемых архитектурой. При данном подходе речь идет о власти общества, которая, в первую очередь, содержится в архитектуре, а также о влиянии архитектуры, воздействующей на психику, и, при помощи дискурсионного анализа.[10]

Норберт Элиас исследовал придворные «структуры жилых зданий как показатель общественных структур» в рамках своей фигурационной социологии, целью которой было изучение процессов становления цивилизации. [11]. Здесь речь идет о процессах становления цивилизации и о совершенствовании традиций реакции на свои собственные и внешние побуждения. В этой работе он, прежде всего, анализирует процессы, которые происходят в дворянских придворных кругах самодержавной Франции. Архитектура здесь играет роль роскошной сцены, воспроизводящей отношения власти; соответственно, анализу подвергаются не тюрьмы, школы, богадельни, а дворцы и замки французской аристократии, которые воспринимаются в их общественной функции с учетом разницы в поколениях и полах. Вслед за этим Петер Глейхманн создал «Жилье с учетом телесных потребностей», – работу, описывавшую социальное совершенствование традиций в области гигиены и сексуальной жизни сквозь призму архитектуры.

Цивилизационная и фигурационная социология переняли многое из учений Элиаса и исследовали архитектурную планировку с точки зрения выражения ею особенностей общества, проходящего этапы становления цивилизации и основывающегося взаимозависимые обязательства, начиная с придворной жизни, затем во времена буржуазного общества и организованного модернизма начала XX века, включая современность.

Дифференциально-теоретический подход.

Разрабатывает понятие «архитектура», принимая за основу принцип «ограждения (защиты) в пространстве». В рамках достигнутого таким образом уровня абстракции предпринимаются попытки изучения архитектуры новыми средствами, стараясь получить ответы на вопросы, остающиеся белыми пятнами в теории архитектуры. Итак, системно-теоретический подход изучает теорию архитектуры, с одной стороны, как самоописание общества ввиду ее общественной (повышающей уровень сложности) функции, ее независимой от других логических систем (экономика, политика) программы, обеспечивающей, однако, возможность связей с ними, а с другой стороны, наблюдает за автономизацией общественной подсистемы архитектуры (в рамках теории архитектуры).

Институциональная теория социологии рассматривает архитектуру как «институциональный механизм», прочно устанавливающий социальный порядок над индивидуумами и при этом позволяющий воплощать архитектурные идеи. В градостроительстве и архитектуре, в частности, в различии мест пребывания женщин и мужчин в центре и на периферии, исследователи гендерного направления социологии нашли подтверждения изложенным в их теории принципам разделения труда и иерархии по половому признаку. Культурологические исследования подчеркивали, что помимо процессов, связанных с отношениями власти, определенными Фуко, существует вероятность попытки переворота, направленного против культуры, против притязаний на власть, отражаемых в архитектуре. [12], [13], [14], [15].

Помимо вышеуказанных подходов к теории архитектуры, которые были развиты учеными, существуют и иные подразделы социологии, интересные для рассмотрения применительно к архитектуре. Так, например, с точки зрения структурализма, архитектуру можно было бы рассмотреть, как систему знаков, аналогичную языку, значение которой возникает в ней самой, в системе синтагматических и парадигматических смещений. Постструктурализм в традиции Пьера Бурдьё, наряду с дискурсионным анализом, мог бы указать на культурологический продукт социального различия, на культурный, социологический капитал, который создается архитектурным вкусом, архитектурными знаниями, «правильным» архитектором, «правильной» средой и «правильным» архитектурным образованием, а также на облик, присущий определенным архитектурным направлениям и воспроизводимый ими. А теория рационального выбора исходила бы из исчислений и смет, скрывающихся в любых инвестициях, из расчетов прибыли, которые, в конечном счете, составляют основу торговли и объясняют ее суть.

Архитектура как средство отражения социальных процессов.

Философская антропология.

Здесь предлагается изучать социологию архитектуры, сконцентрироваться непосредственно на изучении архитектуры – в противоположность социологии города и регионов. Объектом в таком случае является не структура города, а конкретные архитектурные явления, связанные с обликом, размерами, материалами, конструкциями архитектуры. При таком подходе к социологии архитектуры здания понимаются как «выражение», «символ» или «зеркало» общества. Второе предложение – рассматривать архитектуру как средство отражения социальных процессов. При этом интересны взаимно пересекающиеся отношения архитектуры и социальных процессов, их взаимное влияние друг на друга. Архитектура как (главное) средство выражения культуры XX века представляет собой самый точный сейсмограф общественных изменений, который делает их наглядными, представляет и воспроизводит их. Предположение о существовании влияния архитектуры на формирование общества не ново; сама архитектура исходила из этого со времен «венского модерна».

Архитектура, таким образом, притязает на конструктивную власть в новых мирах. Это является верным как для «пневматической» архитектуры, или «мега-архитектуры» 1960-х годов, так и для современности. Однако она рассматривается с точки зрения социологии, обосновывается при помощи теории и исследуется эмпирическими методами достаточно редко. Разработав данный подход, считаем возможным показать при помощи явлений в архитектуре модерна, в какой степени общество и социальный порядок воплощаются в архитектуре и одновременно ею обосновываются – например, какое влияние имеет архитектура на ту или иную социальную переменную. Рассматривая притязания на власть архитектуры авангарда, можно выяснить, в какой степени в действительности изменение функции, технологии, материала и концепции проектирования влияет на отношения, мировосприятие, средства передвижения и коммуникации, а также насколько, с точки зрения стабилизации социального порядка, определенные общественные ценности воплощаются в архитектуре и тем самым становятся действенными. [16], [17].

Архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Камни могут делать людей послушными и знающими. Старая простая схема заключения и ограждения (толстые стены, тяжелые ворота, затрудняющие вход и выход) заменяется расчетом числа окон и дверей, глухих и пустых пространств, проходов и просматриваемых мест» [18].

Древнее общество было обществом зрелищ с архитектурой храмов,

театров и цирков, дающих возможность большому количеству людей наблюдать малое количество объектов; общество современное, напротив - общество контроля, основные элементы которого уже не общественная жизнь, а, с одной стороны, отдельные индивиды и государство - с другой, и их отношения могут быть установлены лишь как прямо противоположные зрелищу [19].

Говоря об архитектурно-планировочных решениях городов и отдельных кварталов, Гидденс считает, что они отражают борьбу различных социальных групп и конфликты между ними, иллюстрируя это примером реконструкции района доков в Лондоне [20].

Ч. Миллс, рассуждая о возможности, а точнее, невозможности решения проблемы города как структурного элемента, задается вопросами: «Как следует преобразовывать это удивительное чудовищное создание? Разбить его на отдельные части, совместив место жительства с местом работы? Провести косметические улучшения, ничего не меняя по существу? Или, эвакуировав население, взорвать старые города и выстроить новые на новом месте по новому плану? Каким должен быть этот план? И кому делать выбор, принимать решение и воплощать его в жизнь?» [21].

Выступая в качестве лидеров Немецкой школы социологии архитектуры, Й. Фишер и Х. Делитц в 2009 году выпустили книгу «Архитектура общества: теории социологии архитектуры», где собрали вместе работы своих коллег по немецкой социологической ассоциации. Во Введении к данной книге авторы пишут, что архитектура окружает нас повсюду. Мы соприкасаемся с ней ежедневно, ощущая ее постоянство и наглядность, она присутствует, когда мы предпринимаем различные действия и осуществляем взаимодействие между собой. Архитектура, будучи постоянно рядом и преобладая над другими коммуникативными средствами культуры или «символическими формами», явно выделяется среди них. В своих вездесущих конструкциях она воплощает само общество, обнажая особенности его поколений, социальных классов, условий жизни и систем функционирования. Иначе обстоит дело с присутствием архитектуры в работах по социологии. Здесь архитектура представляется как нечто чересчур понятное и близкое; социология же, в свою очередь, слишком заиклена на поиске абстрактных принципов современных процессов общественной социализации, поэтому «архитектура общества» пока не стала ключевой темой данной науки [22].

Хейке Делитц предлагает под социологией архитектуры понимать раздел социологии, отличающийся объектом изучения и исследования и выбирающий постройки (конкретные архитектурные явления, связанные с обликом, размерами, материалами, конструкциями архитектуры) в качестве объекта

социальной науки, в противоположность социологии города, регионов, планирования и жилища. Социологию архитектуры предлагается направить на изучение структуры общества и механизма социализации через рассмотрение архитектуры этого общества. В качестве главной задачи социологии архитектуры предлагается анализ современного общества с точки зрения облика (не структуры) города. Для того, чтобы объяснить социологию архитектуры теоретически, автор упоминает специально разработанный символический теоретический подход, который рассматривает архитектуру как основное явление, отражающее процесс социализации. При таком подходе к социологии архитектуры здания понимаются как «выражение», «символ» или «зеркало» общества.

Второе предложение: рассматривать архитектуру как средство отражения социальных процессов. При этом интересны взаимно пересекающиеся отношения архитектуры и социальных процессов, их взаимное влияние друг на друга. Автор считает, что архитектура – главное средство отражения культуры и всех общественных изменений, делая их наглядными, представляя их и воспроизводя. Автор декларирует, что разработанный подход позволяет понять, как общество и социальные явления воплощаются в архитектуре и одновременно ею определяются; как архитектура влияет на социальные изменения; как изменения в технологии и материалах проектирования влияют на социальные отношения, мировосприятие, средства передвижения и коммуникации, а также насколько общественные ценности воплощаются в архитектуре и усиливают их действие и, наконец, как и в какой степени архитектура воспроизводит «классовую структуру» общества, а также какова роль архитектуры в передаче опыта и структуры «общества» и «субъекта» и в какой степени социальная перемена представлена в архитектуре и ею вызвана. [18]

В концепции Й. Фишера архитектура, с точки зрения теории средств коммуникации, описывается как «сложная коммуникация» современного общества, воплощенная через «легкие» средства (письменность, денежные средства), и может быть проанализирована таким образом. Учитывая постоянную позициональность при любом эксцентричном действии, Фишер рассматривает архитектуру как «коэволютивно-непобочное средство социализации». Автор разделяет суть этого философско-антропологического суждения и декларирует, что будет опираться на него в описании систематического предложения, рассматривающего архитектуру как «средство отражения социальных процессов».

Валери Бани вместе с Рональдом Смитом заставила обратиться к социологии неудовлетворенность некоторыми современными архитектурными

тенденциями. «Практически во всех проектах мне приходилось сталкиваться с серьезными упущениями и несоответствиями как при создании предназначенных для комфортного проживания людей пространств, так и при проектировании играющих ключевую роль в функционировании организаций офисных помещений», – поясняет Валери. Она привлекла к возникшей проблеме внимание социологов и архитекторов с целью убедить их в преимуществах совместной работы над улучшением взаимодействия людей с окружающей их обстановкой. По мнению Смита и Бани, человек в здании никак не менее важен, чем само здание [23].

Одну из статей авторы посвятили анализу роли архитектуры постмодернизма в создании современного Лас-Вегаса: «Социология архитектуры и постмодернистские архитектурные формы» [24]. Опираясь на работы Ж. Бодрийера [25], Ф. Джеймсона [26], авторы анализируют некоторые черты постмодернизма в облике Лас-Вегаса и роль архитектуры в их формировании. Это «зрелищность», «усовершенствованная действительность», «обилие архитектурных тем», «стимуляторы» – или сконструированные объекты и процессы, создающие несуществовавшую действительность, «превращение окружающей обстановки в товар» и «мозаичность». В итоге исследования авторы приходят к выводу, что постмодернистский облик Лас Вегаса в первую очередь обусловлен его неповторимой архитектурой, ставящей во главу угла интересы главной городской индустрии – игорного бизнеса.

Выводы:

Наша научная архитектурная школа сформировалась еще при СССР и унаследовала целый спектр, как достоинств, так и некоторых недостатков мировоззрения прошлых лет. Одним из таких недостатков следует считать крайне малое внимание, уделяемое личности заказчика по инерции продолжающееся с тех времен, когда таковым считалось исключительно государство и личность не рассматривалась как источник, формирующий облик архитектуры. В теории архитектуры, в период с 20-х по 90-е года основой, определяющей требования к облику архитектурных объектов считались потребности народа, которые и формировали собственно заказ на проектирование. Ярким примером данного тезиса может служить «Соцгородок «ХТЗ» где вся создаваемая архитектурная система «затачивалась» под обслуживание завода, который создавался для обслуживания процесса индустриализации, которая была необходима для повышения военного потенциала, который нужен был для экспорта революции, который нужен был для распространения идей социализма по всей планете, но для личности в этом бесконечном «нужен для» не было места ни с точки зрения потребителя, ни с точки зрения заказчика. Именно по этой причине так важно в наше время

вернуться к личности и, в первую очередь, определить – каким образом потребности заказчика влияют на создаваемые архитектурные объекты.

Список использованной литературы.

1. Глазычев В.Л. Социология архитектуры — какая и для чего? http://www.glazychev.ru/publications/articles/1978_sociology_architecture.htm.
2. <http://arch-i-tect.ru/i-v-popovskiy-arhitektor-i-sotsium-chast-3/#axzz3tvNTWCWw>.
3. Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре [Электронный ресурс] / Ч. Дженкс // А3D.ru – Режим доступа: <http://www.a3d.ru/architecture/stat/155>.
4. <http://arch-i-tect.ru/i-v-popovskiy-arhitektor-i-sotsium-chast-3/#axzz3tvNTWCWw>.
5. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления» / Под ред. А. С. Колесникова. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 357 с.
6. <http://arch-i-tect.ru/i-v-popovskiy-arhitektor-i-sotsium-chast-2/#ixzz3tcm0spUE>.
7. Benjamin W. DasPassagen-Werk. GesammelteSchriften. Bd. V. Frankfurt/M., 1991.
8. Benjamin Walter: Das Passagen-Werk. GesammelteSchriften. Bd. V, – Frankfurt/ M., 1991. Kracauer Siegfried: Straßen in Berlin und anderswo. – Berlin 1987; Volk Andreas (Hg.): Siegfried Kracauer: Frankfurter Turmhäuser. AusgewählteFeuilletons 1906-30. – Zürich, 1997.
9. Block E. DasPrinzipHoffnung. 2. Bd. Frankfurt/M., 1959.
10. Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefangnisses. Frankfurt/M., 1976.
11. Foucault Michel: Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. – Frankfurt/M., 1976], [Königtums und der höfischenAristokratie]. – Frankfurt/M., 1969.
12. Rainer Winter& – Frankfurt/M., 1999.
13. Rehberg Karl-Siegbert: Weltrepräsentanz und Verkörperung. Institutionelle Ana-lyse und Symboltheorien – EineEinführung in systematischer Absicht, in: Institutionalisierung und Symbolisierung: Verstetigungen kultureller Ordnungsmuster in Vergangenheit und Gegenwart, hg. vonGert Melville. – Köln u. a., 2001.
14. Dörhöfer Kerstin: SymbolischeGeschlechterzuordnungen in Architektur und Städtebau, in: Differenzierungen des Städtischen, hg. v. Martina Löw, Opladen, 2002.
15. De Certeau Michel: Die Kunst des Handelns. Gehen in der Stadt, in: WiderspenstigeKulturen. Cultural Studies alsHerausforderung, hg. von Karin Hörning.

16. Fischer Joachim: Die Bedeutung der Philosophischen Anthropologie für die Architektursoziologie, in: Soziale Ungleichheit – Kulturelle Unterschiede. Verhandlungen des 32. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in München, 2004, hg. von Karl-Siegbert Rehberg. – Frankfurt/M., 2005.

17. Plessner Helmuth: Wiedergeburt der Form im technischen Zeitalter. (Vortrag auf der 25-Jahr-Feier des Deutschen Werkbundes, 14.10.1932), in: ders., Politik, Anthropologie, Philosophie. Aufsätze und Vorträge, hg. von Salvatore Giamusso und Hans-Ulrich Lessing. – München, 2001.

18. Вильковский М. Социология архитектуры. М.: Фонд «русский авангард». 2-10. 292 с., илл. - С. 250.

19. Убежища или хранилища информации. <http://www.ng.ru/forum/messages/forum3/topic116518/message116710/#message116710>.

20. Убежища или хранилища информации. <http://www.ng.ru/forum/messages/forum3/topic116518/message116710/#message116710>.

21. Социологическая теория второй половины XX века об архитектуре. <http://lektsii.org/2-44769.html>.

22. Fischer, Joachim/Delitz, Heike (Hg.): Die Architektur der Gesellschaft. Theorien für die Architektursoziologie. – Bielefeld, 2009.

23. Смит, Рональд. Теория символического интеракционизма и архитектура / Рональд Смит, Валери Бани // Социология архитектуры / М.Б. Вильковский. – М.: Фонд "Русский авангард", 2010.

24. Smith, R., Bugni, V. (2002). Architectural sociology and post-modern architectural // Режим доступа: http://digitalscholarship.unlv.edu/sociology_pubs/4.

25. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

26. Jameson F. Postmodernism or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham. – NC: Duke University Press, 1991.

Анотація.

У даній статті деякі соціологічні концепції розглядаються як евристичний інструмент аналізу архітектури.

Ключові слова: архітектура, соціальне замовлення, проектування

Abstract.

In this article some sociological concepts considered as a heuristic tool for analyzing architecture.